

18+

Стэллеса Трифф

*Влюблённая
Ласточка*

Стэллеса Трифф

Влюблённая ласточка. Книга 1

«Издательские решения»

Трифф С.

Влюблённая ласточка. Книга 1 / С. Трифф — «Издательские решения»,

Я — Софья Ласточкина. И теперь я стала для него Ласточкой... совершенно случайно. Из-за одного нелепого происшествия. Он — тот, кто ворвался в мой идеальный мир, как ураган. Фотограф. Человек, который смотрел на меня не как на картинку, а как на... живую. Благодаря ему, поняла, что можно быть не безупречной, а настоящей. Что за идеальной жизнью, которую для тебя построили, можно найти свою.

© Трифф С.

© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА 1	7
ГЛАВА 2	11
ГЛАВА 3	18
ГЛАВА 4	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Влюблённая ласточка

Книга 1

Стэллisa Трифф

© Стэллisa Трифф, 2026

ISBN 978-5-0070-8974-6 (т. 1)

ISBN 978-5-0070-8975-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается моим любимым девочкам — Ксюше и Ласточке.

ПЛЕЙЛИСТ

Arctic Monkeys — Do I Wanna Know?

Zivert — Life

Glass Animals — Heat Waves

Сплин — Скажи

Рем Дигга & Zipro — Кофе

Макс Корж — Малиновый закат

Монеточка — Каждый раз

Алексей Воробьёв – Сумасшедшая

Баста – Я найду тебя через века

ГЛАВА 1

Три часа дня. Морозный, хрустальный декабрьский день в Новосибирске. Солнце, холодное и яркое, слепило глаза, отражаясь от белого, ещё нетронутого снега на крышах и от гладкого чёрного асфальта, посыпанного реагентами. Я шла по тротуару, и каждый мой шаг отдавался чётким, уверенным стуком каблучков по расчищенной плитке. Я всегда хожу уверенно. Даже когда внутри всё переворачивается и кипит.

Особенно когда внутри всё кипит.

К уху был прижат телефон, уже слегка нагретый от долгого и бестолкового спора. В наушниках звучал голос Дениса — ровный, спокойный, снисходительный. Таким он всегда был, когда пытался выйти сухим из воды. А вода сегодня была ледяная и бурлящая.

— Сонь, ну перестань, я же объяснил, — в который раз говорил он. — Она просто пьяная была! Ну подошла, обняла и чмокнула в щёку. Это же не считается!

— В щёку? — выдавила я сквозь зубы, стараясь, чтобы мой гневный шёпот не перерос в крик на всю улицу. — Денис, у меня есть фотография, где её губы прилипли к твоим! Кажется, в анатомии это называется «рот»! Или у тебя щёки теперь посередине лица выросли?

Я ловко обошла женщину с коляской, даже не прервав шага. Моё отражение мелькало в витринах бутиков — высокая девушка в белоснежной норковой шубе до колен, из-под которой виднелось платье тёмно-синего цвета шёлковое, облегающее, с длинными рукавами. На ногах — сапоги на тонком, но устойчивом каблучке, идеально сочетающиеся с небольшой сумкой-крош. Макияж — дымчатые тени, подчёркивающие зелёные глаза, и алые губы. Я всегда выгляжу безупречно. Это мой принцип. Принцип, вбитый мамой с детства: «Софья, ты — лицо нашей семьи. Всегда соответствуй». Я соответствовала. Особенно когда шла на тренировку, потому что после неё могли быть планы с Денисом или с подругами. А сегодня, после тренировки, я собиралась устроить Денису ад. Если, конечно, он не извинится так, как следует.

Мы с Денисом встречаемся два года. Наши семьи дружат — папы вместе занимаются каким-то сложным бизнесом с недвижимостью, мамы вместе выбирают обои для новых апартаментов и ходят на благотворительные вечера. Он — мажор, да. Но симпатичный, неглупый, с неплохими манерами. Обычно. И он мой. Моя собственность, моя стабильность, часть моего отлаженного, красивого мира. И вот какая-то пьяная стерва из его университетской группы решила поставить на нём свою помадную печать.

— Это была неловкость! — продолжал гнуть свою линию Денис. — Фотография — это ракурс! Она споткнулась, я её поддержал, а она...

— Приземлилась тебе на губы? Интересная траектория падения, — я свернула на более тихую улицу, ведущую к спорткомплексу. — Знаешь что, Денис? Мне нужно идти. У меня тренировка.

— Соня, не будь ребёнком. Давай встретимся вечером, обсудим всё спокойно. В «Метрополе», я столик забронировал.

Классика. Дорогой ресторан, цветы, извинения — стандартный набор для заглаживания вины. Раньше это работало. Сегодня — нет. Сегодня я чувствовала себя не просто обманутой, а публично униженной. Эта фотография гуляла по общим чатам его группы. Ксюша, моя лучшая подруга, скинула мне её с комментарием: «*Дорогая, тебе надо это видеть, пока тебе не начали сочувствовать за твоей спиной*». Ксюша всегда была прямолинейна. Я это ценю.

— Я подумаю, — холодно бросила я. — А сейчас у меня дела поважнее.

— Волейбол? — в его голосе прозвучала знакомая снисходительная нотка. Он никогда не понимал моей страсти к этому спорту. Для него это было «милым хобби для поддержания формы», а не частью моей личности. — Ладно, иди. Позвонишь потом.

Я не стала прощаться, просто нажала на красную трубку. Глубоко вдохнула. Морозный воздух обжог лёгкие, но было приятно. Наконец-то тишина. Только стук каблучков, собственное дыхание и далёкий гул города. Я достала из сумки пачку сигарет — тонкие, ментоловые, моя маленькая слабость, которую никто, кроме Ксюши, не видел. Прикурила, затянулась. Дым смешался с паром от дыхания. Нужно было успокоиться. Войти в зал с покрасневшими от ярости глазами — ниже моего достоинства.

Я уже почти дошла до перекрёстка. Спорткомплекс был через дорогу — большое, безликое стеклянно-бетонное здание. Потянулась за телефоном, чтобы написать тренеру, что уже близко.

И в этот момент мир сузился до резкого, животного визга шин. Я оторвала взгляд от экрана и на долю секунды застыла. Чёрная масса. Огромная, блестящая, стремительная. Новый «Mercedes G-класса», словно взбесившийся бык, вылетел из-за поворота на соседней улице, явно нарушая скоростной режим. Он не просто ехал. Он нёсся, и его траектория вела прямоком на пешеходный переход, где я как раз сделала первый шаг с тротуара.

Время замедлилось. Я увидела своё широкое от ужаса отражение в чёрной полированной поверхности капота. Услышала собственный вопль, который сорвался с губ сам по себе. Я инстинктивно отпрыгнула назад, резко, почти как при приёме мяча в падении.

Но я была не в кроссовках на паркетe. Я была на каблучках, на подмороженном асфальте.

Отпрыгнуть получилось. Упасть — тоже. Пятка моего правого сапога, встретив сопротивление нерасчищенного снежного брустера у бордюра, сломалась с тихим, но отчётливым щелчком, похожим на звук ломающейся кости. Я, не удержав равновесия, рухнула на колени прямо в холодную, грязную снежную кашу у обочины. Сигарета вылетела из пальцев. Сумка отлетела в сторону. Телефон, слава богу, остался в руке, но экран теперь украшала паутина трещин.

Mercedes замер в полуметре от того места, где я только что стояла. Двери водителя распахнулись.

Шок был настолько всепоглощающим, что на секунду я онемела. Просто сидела на холодном снегу, чувствуя, как влага и грязь моментально пропитывают тонкий шёлк платья на коленях, остро осознавая сломанный каблук и дикую унижительность происходящего. Потом, как лавина, накатила ярость. Вся та злость, что копилась на Дениса, всё раздражение от его оправданий, вся обида — всё это нашло себе новый, идеальный объект.

Из машины вышел водитель. И вид у него был... совсем не соответствующий стилю показного виновника.

Парень. Лет под двадцать шесть, не больше. Высокий, очень широкий в плечах, с той самой спортивной, накачанной фигурой, которая видна даже под одеждой. На нём была простая чёрная водолазка обтягивающая и тёмные джинсы. Ни куртки, ни пальто — видимо, путь от тёплого салона до тротуара он считал прогулкой. Лицо... Резковатое, с сильным подбородком, прямым носом. И карие глаза. Очень тёмные, почти чёрные, с густыми ресницами. Сейчас в них читался шок и мгновенная оценка ситуации.

Он выглядел так, будто только что вышел со съёмочной площадки боевика или с обложки журнала для мужчин о здоровом образе жизни. И он только что чуть не убил меня.

Мой шок сменился абсолютно бешеной, истерической яростью.

— ТЫ СОВСЕМ ОХРЕНЕЛ?! — закричала я, не в силах подняться из-за сломанного каблучка и просто тыча в его сторону дрожащим пальцем в кожаной перчатке. Голос сорвался на фальцет. — ТЫ ЧТО, СЛЕПОЙ?! ИЛИ ТЕБЕ В ДЕТСТВЕ ПРО ПЕШЕХОДНЫЕ ПЕРЕХОДЫ НЕ РАССКАЗЫВАЛИ?!

Последний звук был вызван отчаянной попыткой встать. Правая нога, лишённая опоры, подвернулась, и я снова чуть не шлёпнулась в снег, успев схватиться за бордюр. Моя белая шуба теперь была украшена грязными подтёками. Я, Софья Ласточкина, валяюсь в снегу, с

разбитым телефоном, сломанным каблуком и в грязном платье! Из-за какого-то мудака на крутой тачке!

Парень этот, тем временем, приблизился. Он двигался легко, несмотря на свои габариты. На его лице не было ни страха, ни подобострастия. Была сосредоточенность и... досада?

— Извините, — сказал он. Голос был низким, спокойным, бархатистым. Он звучал так разумно, так умеренно, что это взбесило меня ещё сильнее. — Я действительно не успел среагировать. Вы неожиданно вышли...

— Я НЕОЖИДАННО ВЫШЛА?! — завизжала я. — На свой зелёный свет, между прочим! А ты летел как угорелый! У тебя что, тормоза отвалились или мозги? Посмотри на меня!

Я широко раскинула руки, демонстрируя весь масштаб катастрофы. Он посмотрел. Его взгляд скользнул по моему лицу, по грязному подолу платья, задержался на сломанном каблуке. В его карих глазах промелькнуло что-то — не то сочувствие, не то попытка сдержать улыбку. Второе показалось мне более вероятным, и я возненавидела его всей душой.

— Мне очень жаль, — повторил он, и в его интонации появилась твёрдость. Он не стал оправдываться дальше. — Вы ушиблись? Вам нужна помощь?

— Помощь? — я фыркнула, наконец умудрившись подняться на одну ногу, вторая, со сломанным каблуком, бессильно болталась. Я чувствовала себя идиоткой. Вся накопленная злость требовала выхода. — Да, мне нужна помощь! Помогите мне забыть этот день! Или купите новые сапоги! Или... или просто исчезните!

Я поняла, что несу чушь. От этого стало ещё обиднее. Он стоял передо мной, огромный, спокойный, пахнущий каким-то дорогим парфюмом с нотками кожи и сандала, а я — крикливая, грязная развалина.

— Новые сапоги — это решаемо, — сказал он совершенно серьёзно, вытаскивая из кармана джинсов кожаный визитник. — Давайте как минимум обменяемся контактами. Я оплачу ремонт или покупку. И химчистку, конечно.

Он протянул мне визитную карточку. Я, всё ещё балансируя на одной ноге, машинально взяла её. Бумага была плотной, фактурной. «Олег Орлов. Фотография. Спорт. Реклама». И номер телефона. Фотограф? Вот тебе и раз. Больше похож на актёра из бабушкиных сериалов на канале «Домашний»

— Мне ничего от вас не нужно. Просто... будьте в следующий раз внимательнее. Вы могли меня убить.

— Понимаю, — кивнул он. Его спокойствие действовало мне на нервы сильнее, чем если бы он начал огрызаться. — Позвольте хотя бы подвезти вас. Куда вы направлялись?

Я посмотрела через дорогу на спорткомплекс. Мысль о том, чтобы приехать на тренировку на этом чёрном монстре, из которого я только что выползла, показалась кошунственной.

— Нет, спасибо, — холодно ответила я. — Я справлюсь сама. Просто... отойдите от меня. Пожалуйста.

Я произнесла последнее слово с такой ледяной вежливостью, что оно прозвучало как оскорбление. Он снова кивнул, без тени обиды.

— Как скажете. Ещё раз приношу свои извинения. — Он немного помедлил, его взгляд упал на мою сломанную пятку. — Уверены, что дойдёте?

— АБСОЛЮТНО! — рявкнула я, развернувшись. Это было самое нелепое, самое унижающее шествие в моей жизни. Я чувствовала его взгляд на своей спине. Горячий, колющий, невыносимый.

ГЛАВА 2

Неделя пролетела как один бесконечный, выматывающий день. Я успела сделать всё: купить новые сапоги, сдать в химчистку злополучное синее платье (пятна вывели, но осадок, как говорится, остался), отдать телефон в ремонт и даже перестать отвечать на сообщения Дениса с ледяной вежливостью. Теперь я просто игнорировала их. Пусть помучается. Ксюша одобрила мою тактику, заявив, что «мажоры должны знать своё место, а именно — на коротком поводке у таких девушек, как ты».

Самое смешное, что визитка того самого придурка с Мерседеса так и лежала в отделении моей новой сумки. Я несколько раз порывалась её выбросить, но каждый раз что-то останавливало. Не жалость, нет. Скорее, какое-то мрачное любопытство. Интересно, он вообще понял, кого чуть не сбил? Вряд ли. Для него я была просто очередной истеричкой в грязной шубе. Эта мысль бесила отдельно.

Но сегодня был другой день. Важный день. Первая игра сезона в нашем любительском миксе. Не то чтобы я сильно переживала по поводу результата — наша команда «Стрижи» была одной из сильнейших, но мне нужно было выпустить пар. Выплеснуть всю накопившуюся злость на площадку. И я знала идеальный способ: яростные атаки с края, хлёсткие подачи, блоки, от которых у соперниц будут зубы стучать.

Я приехала в спорткомплекс за час до игры. Переделась, собрала волосы в тугий хвост, нанесла минимум макияжа — только тональный крем, тушь и любимую матовую помаду. На площадке я должна выглядеть безупречно даже в поту. Это вопрос самоуважения.

Мы разминались, когда я впервые почувствовала этот взгляд. Кто-то смотрел на меня слишком пристально, слишком... профессионально, что ли. Я подняла голову и замерла с мячом в руках.

Он.

Стоял у боковой линии, возле трибун, с огромным фотоаппаратом на ремне через плечо. Чёрная водолазка сменилась на тёмно-серый свитер крупной вязки, но фигура осталась той же — широченные плечи, уверенная осанка. Тёмные волосы чуть растрёпаны, на лице — сосредоточенное выражение профессионала. Он поднёс камеру к глазам, и объектив уставился прямо на меня.

Ярость полыхнула мгновенно, горячей волной от макушки до пят. Какого чёрта?! Это преследование? Он специально пришёл сюда? Выследил меня? В моей голове пронеслось сразу несколько версий, одна бредовее другой. Но тут же я замета рядом с ним ещё несколько человек с камерами, таблички с логотипом какого-то спортивного сайта. Чёрт. Он здесь теперь работает. Фотограф же, ёлки-палки.

— Сонь, ты чего застыла? Мяч давай! — крикнула Катя, наша связующая.

Я очнулась, отбросила мяч, но глаза против воли снова скользнули к нему. Он опустил камеру и теперь смотрел на меня просто так, без объектива. Наши взгляды встретились. И в его карих глазах мелькнуло узнавание. О, да, он меня узнал. Более того, на его губах появилась лёгкая, едва заметная улыбка. Та самая спокойная, чёртова улыбка, которая так бесила меня на перекрёстке.

Я резко отвернулась, сделав вид, что поправляю наколенник. Сердце колотилось где-то в горле. Ну уж нет. Я не позволю какому-то фотографу испортить мне игру. Я здесь, чтобы побеждать.

— Сонь, ты красная как рак, — шепнула подбежавшая Машка. — Всё нормально?

— Отлично, — процедила я сквозь зубы. — Просто разогрелась.

Дальше была игра. Скажу честно: это был мой день. Мяч слушался, площадка была моей, соперницы разбегались перед моими ударами, как кегли. Я летала. Забивала мячи так, что они вминались в пол на стороне противника с глухим, удовлетворяющим душу стуком.

И всё это время я краем глаза, периферическим зрением, затылком чувствовала его присутствие. Щелчки его камеры звучали как выстрелы. Я знала, что он снимает меня. Каждое моё движение, каждый прыжок, каждый удар. Это бесило. Но где-то в самой глубине сознания, в той тёмной комнатке, куда я не пускаю никого, это было... приятно. Что меня видят. Что меня ловят в объектив не как просто спортсменку, а как что-то особенное. Как в тот момент, когда я вытащила невозможный мяч в защите, упав в шпагат на паркете, и услышала за спиной не просто щелчок, а целую серию — тррр-тррр-тррр. Он снимал серией. Ловил момент.

— СТРИЖИ! ПОБЕДА! — заорал наш капитан Саша, когда прозвучал финальный свисток.

Мы выиграли. Конечно, мы выиграли. Я выдохнула, чувствуя, как адреналин медленно отпускает мышцы. Пот градом катился по лицу, но я улыбалась. Мы обнимались с девчонками, хлопали друг друга по спинам, кричали что-то радостное. И только когда я повернулась к выходу с площадки, снова наткнулась на него взглядом.

Олег смотрел на меня. Не в камеру, а именно на меня. В его глазах было что-то... новое. Не просто профессиональный интерес, а что-то более тёплое, что-то, отчего у меня внутри кольнуло. Он кивнул мне. Едва заметно. Как человек, оценивший мастерство. Я не кивнула в ответ. Отвернулась и пошла в раздевалку, чувствуя, как горят щёки.

В раздевалке царил привычный хаос: крики, смех, звон бутылок с водой, запах пота и разогревающих мазей. Я плюхнулась на скамейку и уставилась в одну точку.

— Ну, Ласточкина, ты сегодня дала жару! — Ксюша материализовалась рядом, как всегда, вовремя. Она не играет в волейбол, но на мои игры приходит исправно. Сидит на трибуне с кофе и комментирует всё, что видит, в наш личный чат. — Я насчитала пятнадцать твоих результативных ударов. И один просто шикарный блок.

— Шестнадцать, — поправила я автоматически. — Ты последний не посчитала, когда я в четвёртой партии с центра засадила.

— О, да, тот был великолепен! — Ксюша закатила глаза. — Слушай, а этот фотограф... — она понизила голос до заговорщического шёпота. — Который тебя всё время снимал. Он симпатичный. Высокий, плечи — во! — она развела руками, показывая несуществующие габариты. — Ты его знаешь?

Я замерла с полотенцем в руках.

— Что значит «знаю»?

— Ну, он на тебя так смотрел... — Ксюша мечтательно прищурилась. — Не как на спортсменку. Я в этом разбираюсь.

— Ксюх, это тот самый придурок, который меня чуть не сбил на Мерседесе на прошлой неделе, — выпалила я. — Помнишь, я рассказывала? Сломанный каблук, грязная шуба, разбитый телефон? Вот это всё — его рук дело.

Глаза Ксюши стали размером с два волейбольных мяча.

— ЧТО?! Этот красавчик — тот самый? — она присвистнула. — Ничего себе совпадение. Судьба, судьба!

— Какая, к чёрту, судьба? — фыркнула я, начиная стягивать форму. — Я его ненавижу. Из-за него я чуть не опозорилась перед всем городом. И он ещё улыбался сегодня, представляешь? Улыбался, гад!

— Улыбался? — Ксюша мечтательно улыбнулась сама. — Значит, ты ему понравилась. И на площадке ты была богиней. Он, небось, теперь думает, что сбил с ног не простую девушку, а настоящую королеву волейбола.

— Цыц, — буркнула я, но в груди что-то приятно ёкнуло. — Пошли отсюда. В кафе? Я хочу есть, и мне нужно огромное ведро капучино.

— О, да! — Ксюша подхватила мою сумку. — И ты мне всё-всё расскажешь про этого фотографа. И про Дениса. И вообще про всех.

Мы заняли наш любимый столик у окна. Я скинула пуховик, оставшись в свободном свитере и джинсах. Ксюша заказала нам по латте и по куску чизкейка.

— Ну, давай подробности, — потребовала она, усаживаясь поудобнее. — Что это был за взгляд?

— Какой взгляд? — сделала я вид, что не понимаю.

— Которым вы обменялись после игры. Я всё видела. Он тебе кивнул. Ты сделала вид, что он пустое место.

— Потому что так и есть, он пустое место, — отрезала я. — Мало того, что он чуть не убил меня, так он ещё и нахал. Даже не извинился толком. Просто стоял, как скала, и смотрел своими глазами.

— Глазищи у него и правда красивые, — мечтательно заметила Ксюша. — Карие, глубокие. Как у оленя из мультика.

— Он не олень, — фыркнула я. — Он буйвол. Накачанный, бесчувственный буйвол, который разъезжает на чёрном Мерсе и пугает людей.

— А ещё он фотограф, — добавила Ксюша. — Я погуглила, пока ты переодевалась. У него отличные работы. Он снимает спорт, причём очень круто. Не как все, а с душой. Я нашла его портфолио. Там такие эмоции, Сонь! Прямо живые люди.

— Мне плевать на его портфолио, — заявила я, но в этот момент дверь кофейни открылась, и внутрь вошёл ОН.

Я чуть не поперхнулась воздухом.

Он был в той же тёмно-серой толстовке, с неизменной фотосумкой через плечо. Вид у него был усталый, но довольный. Он оглядел зал в поисках свободного места. Свободных мест не было. Кроме одного стула за столиком, где сидели какие-то парни, и... нашего. Вернее, столика рядом с нами. Там тоже было занято, но компания как раз собиралась уходить.

Олег подошёл к освободившемуся столику — буквально в метре от нас. Снял сумку, повесил куртку на спинку стула и сел. И тут его взгляд упал на меня.

И опять эта лёгкая, спокойная улыбка.

— Добрый вечер, — сказал он. Голос низкий, ровный. — Ещё раз поздравляю с победой. Вы сегодня были великолепны.

Ксюша под столом вцепилась мне в ногу. Я почувствовала, как моё лицо заливается краской, но совладать с собой не могла.

— Спасибо, — ответила я максимально холодно, глядя ему прямо в глаза. — Приятно, когда твою игру замечают даже те, кто предпочитает замечать пешеходов в последний момент.

Его улыбка не дрогнула. Только в глазах мелькнуло что-то похожее на усмешку.

— Я всё ещё чувствую себя виноватым за тот случай, — сказал он совершенно искренне. — Позвольте хотя бы сегодня угостить вас кофе? В качестве извинения?

— У меня уже есть кофе, — отрезала я, демонстративно отпивая из своей чашки.

— Тогда, может быть, десерт? — не сдавался он. — Чизкейк здесь отличный.

— У меня тоже есть чизкейк, — я ткнула вилкой в свой кусок.

Ксюша под столом сжала мою ногу ещё сильнее. Я знала, что она хочет сказать: «Соня, не будь душой!». Но я была в своём праве. Этот человек чуть не сбил меня, испортил дорогую одежду, заставил выглядеть истеричкой, а теперь сидит тут, улыбается и предлагает чизкейк? Наглость какая.

— Понял, — он кивнул без тени обиды. — Тогда просто ещё раз приношу свои извинения. И, если позволите, я бы хотел скинуть вам фотографии с сегодняшней игры. Они получились очень удачные. Особенно ваши.

— Я подумаю, — отчеканила я.

Ксюха наконец отпустила мою ногу и вмешалась в разговор:

— А вы, простите, как вас зовут? Я Ксения, подруга Сони.

— Олег, — он вежливо кивнул Ксюше. — Очень приятно.

— Олег, а вы давно фотографируете спорт? — Ксюша включила режим светской беседы, пока я делала вид, что меня интересует только чизкейк.

— Достаточно давно, — ответил он. — Люблю динамику. Люблю живые эмоции. А волейбол — это вообще идеальный вид спорта для фотографа. Красота, грация, скорость. И сегодня был один момент. — Он запнулся и посмотрел на меня.

— Был момент, когда вы в защите упали. В шпагат, практически. И вытащили мяч. Я снимал серией. Это будет потрясающий кадр. Честно.

Я не выдержала и подняла на него глаза. Он смотрел на меня с таким искренним восхищением, что у меня внутри что-то дрогнуло. Но я тут же взяла себя в руки.

— Посмотрим, — сухо ответила я. — Если кадры не будут слишком... компрометирующими.

Он улыбнулся шире.

— Никаких компрометирующих кадров. Только красота. Обещаю.

Официант принёс ему американо. Олег взял чашку, собираясь отпить, и тут случилось НЕЧТО.

Я не знаю, как это произошло. Может быть, он засмотрелся на меня, может быть, поскользнулся на ровном месте (хотя пол был сухой), а может быть, судьба просто решила надо мной поиздеваться. Но когда он подносил чашку ко рту, его локоть задел край фотосумки, которая стояла на соседнем стуле. Сумка качнулась, Олег дёрнулся, пытаясь её поймать, и в этот момент его нога зацепилась за ножку стула.

Всё произошло в замедленной съёмке. Он покачнулся. Чашка выскользнула из пальцев. Горячий американо выплеснулся в воздух тёмной дугой. И Олег, теряя равновесие, рухнул прямо на меня.

Я даже не успела вскрикнуть. Просто почувствовала, как на меня наваливается огромное, тяжёлое тело, как горячая жидкость проливается на мой свитер, на джинсы, на волосы. Я опрокинулась на спинку стула, стул качнулся, и мы оба, в обнимку, грохнулись на пол.

На секунду в кофейне воцарилась мёртвая тишина.

Я лежала на полу, придавленная сверху Олегом. Его лицо было в сантиметре от моего. Я чувствовала его дыхание, запах его парфюма, тепло его тела. Его карие глаза смотрели на меня в упор, расширенные от шока. И в них... в них не было ужаса. Только какая-то обречённость и, кажется, попытка сдержать улыбку.

Мой свитер был мокрым и липким от кофе. Волосы — тоже. На джинсах расплывалось тёмное пятно. Ярость, которую я сдерживала целую неделю, прорвала плотину.

— ТЫ!!! — заорала я, пытаясь вырваться. — ТЫ СОВСЕМ ИДИОТ?! УБИРАЙСЯ С МЕНЯ НЕМЕДЛЕННО!

Олег, слава богу, сориентировался мгновенно. Он ловко перекатился на бок, освобождая меня, и вскочил на ноги. Потом протянул мне руку.

— Давай помогу, — сказал он. Голос спокойный, как ни в чём не бывало.

— НЕ ПРИКАСАЙСЯ КО МНЕ! — заорала я, пытаясь встать самостоятельно. Мокрые джинсы противно липли к телу. Свитер был безнадежно испорчен. Я чувствовала себя мокрой, грязной, униженной курицей.

Вокруг уже начали оборачиваться люди. Ксюша зажимала рот руками, пытаясь прекратить смех, но у неё плохо получалось.

Олег, несмотря на мой ор, не отошёл. Он просто стоял рядом, смотрел на меня своими спокойными глазами.

— Прости, — сказал он просто, без пафоса. — Я неуклюжий. Особенно когда рядом красивые девушки.

— Ты... ты... — я задыхалась от возмущения. — Это уже второй раз! Ты меня второй раз день портишь.

— Нет, — он покачал головой. — Я правда не специально. Я просто... такой. — Он развёл руками. — Давай я оплачу тебе химчистку. И новые джинсы. И свитер. И всё, что скажешь.

— Мне ничего от тебя не надо! — выпалила я, хватая со стола салфетки и пытаясь промокнуть кофейные пятна на свитере. Бесплезно. Они только размазывались. — Просто... просто исчезни из моей жизни! Навсегда!

— Не могу, — ответил он совершенно серьёзно. — Я теперь штатный фотограф вашей лиги. Буду снимать все игры «Стрижей». Так что мы ещё увидимся.

Я замерла с салфеткой в руке.

— Что?!

— Да, подписал контракт сегодня утром, — он пожал плечами. — Так что, прости, Ласточка, но от меня теперь не избавиться.

Ласточка?! Он назвал меня Ласточкой?! Откуда он знает? Наверное, на площадке услышал. Но прозвучало это... даже мило.

— Не смей меня так называть, — процедила я сквозь зубы. — Мы не настолько близки.

— Извини, — он снова улыбнулся той самой спокойной, чёртовой улыбкой. — Ты на площадке действительно как ласточка. Быстрая, точная, красивая. Прозвище тебе очень идёт.

Ксюша за моей спиной уже не просто смеялась — она рыдала, уткнувшись лицом в ладони. Ей было весело. А мне — ни капли.

— Я уйду, — объявила я, хватая свою сумку. — Ксюха, идём.

— Подожди, — остановил меня Олег. Он полез в карман джинсов и достал какую-то карточку. Не визитку, а пластиковую. — Вот, возьми. Это моя скидочная карта в химчистку. Там хорошие мастера, они любые пятна выводят. И мой номер ты знаешь. Напиши, если будет нужна помощь. Или если захочешь посмотреть фотографии. Честные, без подвоха.

Я машинально взяла карту. Он снова был спокоен. Снова смотрел на меня без тени злости или обиды. Как будто я не орала на него только что на всю кофейню. Как будто это было в порядке вещей.

— И ещё, — добавил он, чуть тише. — Тот кадр с твоим падением в защите. Он правда гениальный. Я тебе его пришлю в любом случае. Даже если ты не захочешь общаться. Это будет несправедливо по отношению к искусству.

Я развернулась и, не сказав ни слова, вылетела из кофейни. Ксюха, давясь смехом, поспешила за мной.

На улице мороз обжёг лицо. Я шлёпала по снегу, чувствуя, как холод пробирается к телу, и проклинала всё на свете. Этого Олега. Его спокойствие. Его улыбку. Его чёртову невозмутимость. И свои мокрые, липкие, кофейные волосы.

— Сонь, ну Сонь, — Ксюха догнала меня и схватила за руку. — Ну не злись, это же смешно!

— Ничего смешного! — рывкнула я. — Он меня преследует! Он специально всё это делает! Сначала чуть не сбивает, потом оказывается фотографом на моей игре, потом падает на меня с кофе! Это не случайность!

— А что? — Ксюха выгнула бровь. — Любовь с первого падения?

— Цыц! — я остановилась и посмотрела на неё. В её глазах плясали бесенята. — Ты видела его? Он даже не извинился толком! Просто стоял и улыбался, как идиот!

— Извинился, — возразила Ксюха. — И карточку химчистки дал. И помочь предлагал. И вообще, он смотрел на тебя так... знаешь, как смотрят на произведение искусства?

— Он смотрел на меня как на проблему, которую нужно решить, — отрезала я.

— Ну да, — Ксюха хмыкнула. — Решить, как к тебе подкатить. Слушай, может, дашь ему шанс? Он симпатичный, неглупый, фотографии у него классные. И явно тобой заинтересован. А Денис твой...

— Денис тут ни при чём, — перебила я. — И Олег этот тоже. Я не собираюсь давать шанс человеку, который дважды за неделю испортил мне одежду и чуть не убил. Это принцип. И да, я люблю Дениса!

— Принцип — это хорошо, — вздохнула Ксюха. — Но знаешь, что я думаю?

— Что?

— Я думаю, ты злишься не потому, что он тебя облил кофе. А потому, что он тебе понравился.

Я открыла рот, чтобы возразить, и закрыла. Потому что в словах Ксюхи была доля истины. Неприятная, колючая доля.

— Пошли домой, — буркнула я. — Я замёрзла и хочу в душ. Смыть с себя этого фотографа и его кофе.

— И его взгляд, — добавила Ксюха мечтательно. — Карие глазищи...

— ЦЫЦ!

Мы поймали такси. Всю дорогу я молчала и смотрела в окно на мелькающие новогодние огни. Гирлянды, ёлки, украшенные витрины — всё это казалось насмешкой над моим паршивым настроением. В кармане куртки лежала карточка химчистки и, кажется, то, что осталось от моей гордости.

Дома, стоя под горячими струями душа, я закрыла глаза и снова увидела его лицо в сантиметре от своего. Карие глаза, в которых плескалась... теплота. Не издевательство, не злорадство, а какая-то тёплая, почти нежная усмешка. И его слова: «Я неуклюжий. Особенно когда рядом красивые девушки».

— Чёрт, — выдохнула я, утыкаясь лбом в прохладный кафель. — Чёрт, чёрт, чёрт.

Телефон, который я успела забрать из ремонта, пикинул сообщением. Я вылезла из душа, закуталась в халат и взяла его в руки.

Олег Орлов. Фотография. Я в прыжке, в тот самый момент, когда вытаскивала мяч в защите. Лицо искажено усилием, но в глазах — чистый восторг борьбы. Тело вытянуто в струну, рука касается мяча. Кадр был живой. Настоящий. Красивый.

И подпись: *«Обещанный кадр. Без обид пожалуйста».*

Я смотрела на фото и чувствовала, как внутри тает кусочек льда, которым я окружила себя после сегодняшнего вечера.

— Чёртов фотограф, — прошептала я.

И, сама от себя не ожидая, сохранила это фото в галерею.

ГЛАВА 3

Я проснулась с ощущением, что в моей жизни что-то неуловимо изменилось. Солнце пробивалось сквозь плотные шторы моей спальни, рисуя золотистые полосы на белоснежном постельном белье. В комнате пахло моими любимыми духами и лёгкой прохладой от приоткрытой форточки — я всегда сплю с открытым окном, даже зимой. Говорят, это полезно для кожи. А за кожей я слежу тщательно.

Я потянулась, откинула одеяло и босиком прошлёпала в ванную. В зеркале отражалась девушка, которой я гордилась: идеально ровный цвет лица, зелёные глаза без намёка на отёчность, пухлые губы, которым позавидовала бы любая. Волосы, правда, слегка растрепались после сна, но это поправимо. Я вообще считаю, что женщина должна быть красивой всегда. Особенно когда никто не видит. Это вопрос самоуважения.

Приняв душ и нанеся увлажняющий крем, я вернулась в спальню и взяла телефон. Несколько сообщений от Ксюши: смайлики, мемы и вопрос *«как ты после вчерашнего?»*, уведомления и... одно сообщение сохранённое вчера.

Олег.

Я открыла переписку и снова уставилась на ту самую фотографию. Я в прыжке, вытянутая в струну, с безумным, азартным блеском в глазах. Чёрт возьми, он умел снимать. Это было не просто фото, это был застывший момент чистой, дикой энергии. Я выглядела на нём... потрясающе. Даже несмотря на искажённое усилием лицо.

Пролистала ниже. Он прислал ещё несколько кадров с игры. Все они были идеальны. Какая-то магия: он ловил именно те секунды, когда я была настоящей — злой, счастливой, отчаянной, летящей. Ни одного постановочного кадра. Ни одной фальши.

В конце галереи я наткнулась на последнее сообщение, которое пришло уже поздно ночью, когда я спала: *«Спокойной ночи, Ласточка. Пусть тебе снятся красивые сны. И спасибо, что есть на свете такая красота, которую хочется снимать»*.

Я замерла с телефоном в руке. Сердце пропустило удар. Потом ещё один. А потом я разозлилась.

— Какого чёрта он себе позволяет? — вслух спросила я у пустой комнаты. — «Спокойной ночи, Ласточка»? Мы что, друзья? Мы вообще никто!

Но фотографии я удалять не стала. Мало ли. Для истории.

День прошёл в обычной суете: встреча с косметологом, шопинг, обед с мамой в ресторане, где она в сотый раз намекнула, что «Денис — прекрасная партия, и не затягивай с решением, Сонечка, хороших женихов разбирают быстро».

К вечеру, когда я вернулась домой и скинула туфли на высоченной шпильке, в голове созрело решение.

Я должна поговорить с Денисом. Серьёзно. По-взрослому. Хватит этих игр в игнорирование, этих обид. Мы вместе два года. Наши семьи дружат. Если он хочет сохранить отношения — он должен понять, что так со мной нельзя.

Но просто позвонить и сказать «приезжай, поговорим» — слишком банально. Я решила устроить сюрприз. Приехать к нему вечером, красивая, с ужином (закажу его любимые суши из того ресторана, где мы обычно берём), и мы спокойно, цивилизованно всё обсудим. Без криков, без сцен. Как взрослые люди. Если он извинится искренне и пообещает, что подобное не повторится — возможно, я его прощу. Возможно.

Я набрала сообщение Ксюше: *«Еду к Денису мириться. Сюрпризом. Как думаешь?»*

Ответ пришёл мгновенно: *«Ты серьёзно? После того, что он сделал?»*

«Я хочу поставить точку. Либо он докажет, что я для него важна, либо мы расстанемся. Так честно».

«Ну смотри. Ты ж меня знаешь, я бы его послала сразу. Но тебе виднее. Если что — звони, приеду в любой час».

«Спасибо, Ксюх. Ты лучшая».

Я начала собираться. Выбрала платье — тёмно-вишнёвое, шёлковое, чуть выше колена, с открытыми плечами. Волосы уложила мягкими волнами. Макияж — вечерний, с акцентом на глаза. Туфли — чёрные лаковые лодочки на шпильке. Сверху накинула длинное чёрное пальто. Духи — мои любимые, с нотками ванили и сандала.

Я выглядела сногшибательно. И я знала это.

Села в свою «Audi» — белую, красивую, папин подарок на совершеннолетие. Но я езжу на нём очень редко, люблю прогулки. Завела мотор, включила погромче музыку. В городе уже зажглись огни — город сверкал тысячами гирлянд, на площадях стояли наряженные ёлки, люди спешили по своим делам, предвкушая праздник. Скоро Новый год. Время чудес и перемен. Может, и в моей жизни что-то изменится к лучшему.

Я заехала в ресторан, забрала огромный пакет с суши — Денис обожал их лососевые роллы с угрём. Купила по пути бутылку хорошего шампанского. И с чувством выполненного долга и лёгким волнением в груди поехала к нему.

Денис жил в элитном жилом комплексе в центре, в новой высотке с панорамными окнами. У него была шикарная квартира на двадцать пятом этаже — подарок родителей его. Мы проводили там много времени. У меня даже был свой ключ — он настоял, чтобы я могла приходить в любое время. Милый жест. Сейчас я была ему за это благодарна — сюрприз удастся полностью.

Я припарковалась на подземной парковке, поднялась на лифте. В лифте играла приятная музыка, пахло новогодней хвоей — в холле каждого этажа стояли маленькие ёлочки. Я поправила волосы, улыбнулась своему отражению в зеркальной стене лифта. Всё будет хорошо. Я готова к разговору.

Двадцать пятый этаж. Лифт открылся с мягким «динь». Я вышла, прошла по коридору, остановилась у знакомой двери. Глубоко вздохнула. Достала ключ. Вставила в замок.

Дверь открылась без звука — он всегда следил, чтобы петли были смазаны.

Я вошла в прихожую. Там горел мягкий свет. Пахло чем-то... странным. Не просто его обычным парфюмом, а смесью духов, вина и... свечей? Из гостиной доносилась тихая музыка. Кажется, играл джаз.

Я нахмурилась. Он редко слушал джаз. И свечи... Он готовил романтический вечер? Для меня? Сердце ёкнуло приятно. Может, он тоже хотел меня позвать, но я его опередила?

Я тихо поставила пакет с суши и шампанское на тумбочку в прихожей. Сняла пальто, повесила на крючок. Поправила платье. Улыбнулась своему отражению в зеркале. И сделала шаг в сторону гостиной.

Музыка стала громче. Я услышала смех. Её смех. Женский, высокий, до боли знакомый. Я замерла.

Из гостиной донеслось:

— Денис, ну перестань! Щекотно же! — голос, который я узнала бы из тысячи. Лера. Моя бывшая подруга. Та самая, с которой мы дружили с первого курса, пока она не начала слишком откровенно заглядываться на Дениса на всех вечеринках. Та самая, с которой я перестала общаться полгода назад, когда застала её в его машине «просто болтающую». Он тогда поклялся, что ничего не было. Я поверила. Идиотка.

— А ты не вырывайся, — голос Дениса, низкий, с хрипотцой, которую я так любила. — Сама виновата, что такая сладкая.

Я сделала ещё один шаг. Заглянула в гостиную.

Картина, которая открылась моим глазам, была достойна кисти какого-нибудь художника-сюрреалиста. Вот уж кто оценил бы этот кадр.

На огромном белом диване, который мы вместе выбирали в салоне итальянской мебели, полулежали двое. Денис — без рубашки, в одних домашних штанах, с растрёпанными волосами. И Лера — в шёлковом халатике, явно надетом на голое тело, с распущенными светлыми волосами, с бокалом красного вина в руке. На журнальном столике стояла наполовину пустая бутылка дорогого «Шатонеф-дю-Пап», горели свечи, валялась коробка конфет. Идиллия. Романтика. Срач.

На секунду в моей голове образовалась абсолютная, звенящая пустота. Ни мыслей, ни эмоций. Только картинка, которая впечатывалась в сетчатку, как раскалённое тавро.

Потом пустоту заполнила ярость. Такая холодная, ледяная, кристально чистая, что мне показалось — сейчас стёкла в окнах треснут от моего внутреннего холода.

Я не стала кричать. Не стала бросаться на них с кулаками. Вместо этого я сделала то, что умею лучше всего — включила режим абсолютного, ледяного, уничтожающего спокойствия.

Я прислонилась плечом к дверному косяку, скрестила руки на груди и произнесла максимально ровным, даже скупающим голосом:

— Ну надо же. А я-то думала, у вас тут клуб любителей джаза. А это, оказывается, закрытый показ дешёвого порно.

Они оба дёрнулись так, будто я выстрелила из пушки. Лера взвизгнула, проливая вино себе на халат. Денис вскочил с дивана, заметался, пытаясь одновременно прикрыться и что-то сказать. Зрелище было жалкое. Смешное. Отвратительное.

— Сонь! — выпалил он, его лицо покрылось красными пятнами. — Соня, это не то, что ты думаешь!

— Правда? — я медленно перевела взгляд с его перекошенной физиономии на Леру, которая вжималась в диван, пытаясь натянуть халат на голые коленки. — А что я должна думать? Что вы тут обсуждаете погоду? Или, может, играете в «угадай мелодию» без одежды? Лера, дорогая, твой халат, кажется, съехал. Поправь, а то неудобно же.

Лера открыла рот, но из него вырвалось только невнятное мычание.

— Соня, послушай, — Денис шагнул ко мне, всё ещё безуспешно пытаясь выглядеть достойно. Получалось плохо. Очень плохо. Без рубашки, с расстёгнутой ширинкой и виноватым лицом он напоминал нашкодившего кота, которого застали за поеданием сметаны. Только сметана была в виде моей бывшей подруги. — Мы просто... это случайно... она пришла поговорить о тебе, и...

— Обо мне? — я невесело усмехнулась. — Какая трогательная забота. Лера пришла поговорить обо мне, вы решили поговорить в очень интимной обстановке, за вином, при свечах и без лишней одежды. Всё логично. Особенно твои руки на её талии, которые я только что видела. Это, видимо, такой новый способ обсуждения подруг?

Денис дёрнулся, как от пощёчины.

— Сонь, не надо так...

— А как надо? — я приподняла бровь. — Как надо реагировать, когда твой парень, с которым вы вместе два года, трахает твою бывшую подругу на диване, который ты выбирала? Просвети меня. Я в таком положении впервые.

Лера наконец обрела дар речи. Она вскочила с дивана, запахивая халат, и выдала фразу, от которой у меня челюсть едва не отвалилась:

— Сонь, ты сама виновата! Если бы ты нормально к нему относилась, а не строила из себя недотрогу!

Я медленно перевела на неё взгляд. Лера. Моя подруга. С которой мы вместе тусили, делили косметичку, обсуждали парней. Которая клялась, что Денис ей «просто друг». Которая теперь стояла передо мной, растрёпанная, с размазанной помадой, и смела меня обвинять.

— Прости, что? — переспросила я тихо, почти ласково. — Повтори, пожалуйста. Я, кажется, ослышалась.

— То, что слышала! — Лера, видимо, решила идти до конца. — Ты вечно из себя королеву строишь, Денис для тебя всё, а ты нос воротишь, на свидания через раз ходишь, с игр своих вечно уставшая, ему внимания не хватает! А я... я его понимаю, я его ценю!

Я расхохоталась. Искренне, громко, запрокинув голову. Слёзы выступили на глазах — то ли от смеха, то ли от того, что внутри всё сжималось в болезненный ком.

— Ох, Лера, Лера, — выдохнула я, промокая уголки глаз пальцем. — Какая же ты... предсказуемая. «Ты его не ценила, а я ценю» — это же классика! Это в каждом втором романе про любовниц написано. Ты бы ещё сказала, что мы не подходим друг другу и вы созданы друг для друга. Или что у нас с ним была не любовь, а привычка. Давай, добивай, я жду.

Лера растерялась. Она явно ожидала скандала, криков, битья посуды — чего угодно, только не этого ледяного, насмешливого спокойствия.

Денис попытался взять ситуацию в свои руки. Он подошёл ближе, протянул ко мне руку:

— Сонь, давай поговорим спокойно. Мы всё решим. Ты для меня важна, это просто...

— Просто что? — я отшатнулась от его руки, как от ядовитой змеи. — Просто ошибка? Просто случайность? Просто Лера сама пришла и соблазнила тебя, а ты не смог отказать, потому что ты мужчина, а у мужчин потребности? Денис, я это уже слышала неделю назад, когда ты оправдывался за ту девицу в универе. Помнишь? «Она пьяная была, просто поцеловала, ничего не значит». А теперь что? Лера трезвая вроде. И вы тут не первый час. И халат у неё явно не для разговоров о политике.

Он замаялся. Потом в его глазах мелькнуло что-то, отчего я похолодела. Обида? Злость? Облегчение?

— А знаешь что, Соня? — вдруг выпалил он, распрямляясь. — Да, Лера права. Ты правда вечно из себя недотрогу строишь. Ходишь по этим своим тренировкам, как будто они важнее меня. Я для тебя — так, запасной вариант, с которым можно поужинать, когда удобно. А Лера... она настоящая. Она рядом, когда нужно.

Я смотрела на него и не верила своим ушам. Два года. Два года я считала этого человека своим парнем. Два года терпела его мажорные закидоны, его друзей-придурков, его вечные отлучки «по делам». И теперь он стоял передо мной и говорил, что это я виновата в том, что он изменил мне с моей подругой.

Гнев, который я сдерживала ледяной корою, начал прорываться наружу. Но не истерикой — холодной, расчётливой злостью.

— Значит, я виновата? — переспросила я, медленно кивая. — Я. В том, что ты трахаешь мою бывшую подругу. И вот это платье, — я кивнула на вишнёвый шёлк на себе, — я купила специально, чтобы приехать к тебе, поговорить и, возможно, простить тебя за тот твой засос с универовской девицей. Я везла тебе суши. Твои любимые. И шампанское. Думала, мы решим всё миром. А ты...

Мой голос дрогнул. Всего на секунду. Я сглотнула ком в горле.

— А ты даже не представляешь, какую боль мне сейчас причинил.

Лера, видимо, почувствовала слабость и решила добить:

— Соня, ну не драматизируй. Найдёшь себе другого. Ты же красивая, богатая, с твоей-то самооценкой... Хотя, может, она и проблема. Завышенная самооценка мужчин отталкивает.

Я перевела на неё взгляд. И вдруг улыбнулась. Широко, ослепительно, как на обложке глянца.

— Знаешь что, Лерочка? — сказала я ласково. — Ты права. Я красивая. Я богатая. У меня отличная самооценка. И знаешь, что ещё? Я сейчас уйду отсюда, сяду в свою машину и поеду домой. А ты останешься здесь. С мужчиной, который только что, при тебе, признался, что я важна ему, а теперь выбрал тебя. Как думаешь, сколько пройдёт времени, прежде чем он найдёт себе следующую «настоящую», которая будет «ценить» его лучше, чем ты? Месяц? Два? Полгода?

Лера побледнела. Денис дёрнулся, открыл рот, чтобы возразить.

— А ты, Денис, — продолжила я, поворачиваясь к нему. — Ты мне даже не нужен. Правда. Я сейчас смотрю на тебя и понимаю: всё, что между нами было — это удобство. Наши семьи дружат, ты красивая картинка, я красивая картинка. Но внутри ты — пустота. Мелкий, трусливый, неспособный на честность человек. Ты даже расстаться со мной нормально не смог, решил, что проще изменить и дожидаться, пока я сама уйду. Жалко. Правда жалко.

Я взяла со столика свою сумочку, которую машинально сжимала всё это время. Достала ключи от его квартиры, которые он мне когда-то вручил с пафосной речью о доверии. Положила их на журнальный столик, прямо рядом с бутылкой вина.

— Вот, забери. Они мне больше не понадобятся. С меня хватит.

— Соня, подожди... — Денис шагнул ко мне, но я выставила руку вперёд.

— Не подходи. И не звони. Никогда. Если увидишь меня на улице — перейди на другую сторону. Если наши родители будут устраивать общие ужины — я сяду на другом конце стола. Для меня ты умер. Вы оба, — я кинула взгляд на Леру. — Кстати, платье на тебе, Лера, ужасное. Этот фасон полнит. И халат твой весь в пятнах. Задумайся.

Я развернулась и, не оглядываясь, пошла к выходу. Шпильки стучали по паркету с той же уверенностью, с которой я всегда ходила. Никакой дрожи. Никаких слёз. Только спина прямая, плечи развёрнуты, голова поднята.

В прихожей я на секунду остановилась. Пакет с суши стоял на тумбочке. Я взяла его, открыла, достала один ролл, засунула в рот и прожевала. Лосось с угрём. Действительно вкусно.

— Суши я забираю, — крикнула я в сторону гостиной. — Не пропадать же добру. Приятного вечера!

И вышла в коридор, захлопнув за собой дверь с таким грохотом, что, кажется, штукатурка посыпалась.

В лифте я наконец позволила себе выдохнуть. Руки дрожали. В глазах щипало. Но я не плакала.

Я спустилась на парковку, села в машину, включила двигатель и отъехала от этого проклятого дома. Проехала квартал, второй, третий. И только когда огни центра остались позади, а я вырулила на набережную, где в темноте тускло поблёскивала замёрзшая Обь, я остановилась на обочине, уткнулась лбом в руль и заревела.

Слёзы текли ручьём, размазывая идеально нанесённую тушь по щекам. Я рыдала в голос, как маленькая девочка, которой сказали, что Деда Мороза не существует. Два года. Два года моей жизни. Все эти планы, надежды, мысли о будущем — всё впустую. И Лера... Как она могла? Как он мог?

Я не знаю, сколько я так просидела. Минут десять, может, полчаса. Телефон в сумочке вибрировал — Ксюша, наверное, волновалась. Но ответить я не могла. Голос бы сорвался.

Наконец слёзы иссякли. Я подняла голову, посмотрела на себя в зеркало заднего вида и ужаснулась. Из отражения на меня смотрела опухшая, красноглазая девица с размазанными чёрными потёками под глазами. Кошмар. Настоящий кошмар.

Я достала из сумочки влажные салфетки, стёрла остатки макияжа. Нашупала телефон. Ксюша — двенадцать пропущенных и куча сообщений: «Ты как?», «Где ты?», «Соня, ответь, я волнуюсь!», «Если он что-то сделал, я его убью!».

Я набрала её номер. Она ответила после первого гудка.

— СОНЯ! Ты где?!

— На набережной, — мой голос звучал хрипло и устало. — Ксюх, приезжай. Пожалуйста. Я... я не могу сейчас одна.

— Через десять минут буду. Диктуй адрес.

Я продиктовала координаты, отключилась и откинулась на сиденье. Закрыла глаза. В голове проносились картинки сегодняшнего вечера: Денис без рубашки, Лера в халате, свечи,

вино, его слова: «Она настоящая». Настоящая, блин. Лера, которая год назад клялась мне в вечной дружбе и обещала, что никогда не посмотрит в сторону Дениса.

Вспомнился Олег. Его спокойные карие глаза, его улыбка, когда он лежал на мне в луже кофе. Его сообщение: «Спокойной ночи, Ласточка». Вот кто, наверное, не стал бы так унижать женщину. У него, по крайней мере, хватило совести извиниться и предложить помощь, когда он дважды случайно накосячил. А Денис даже извиниться нормально не мог — только оправдывался и перекладывал вину.

Звук подъезжающей машины вырвал меня из мыслей. Ксюша припарковалась рядом, выскочила из такси подбежала к моей двери. Я открыла, и она буквально впихнула меня обратно на сиденье, сама усевшись рядом.

— Рассказывай, — потребовала она, вглядываясь в моё лицо. — Всё с самого начала.

Я рассказала. Спокойно, без истерики, просто перечисляя факты. Ксюха слушала, и с каждым моим словом её лицо становилось всё мрачнее. Когда я закончила, она выдохнула:

— Сука. Какая же Лера сука. И Денис — козёл. Я всегда говорила, что он тебя не достоин.

— Ты говорила, — кивнула я устало. — Но я не слушала.

— Ну теперь-то послушаешь, — Ксюха взяла меня за руку. — Сонь, ты молодец. Ты держалась так круто, что я тобой горжусь. Суши, кстати, молодец, что забрала. Принципиально.

Я невольно улыбнулась.

— Они правда вкусные. Хочешь?

— Хочу, — Ксюха залезла в пакет, достала ролл и засунула в рот. — М-м-м, лосось. И угорь. Люблю. Ну что, поехали ко мне? Посмотрим какой-нибудь дурацкий фильм, напьемся вина и будем придумывать способы мести этим двум козлам.

— А давай, — я завела мотор. — Только я за рулём, так что вино пить будешь ты. А я буду завидовать.

— Договорились.

Мы поехали к Ксюше. Всю дорогу она что-то рассказывала, пыталась меня развеселить, и у неё даже получалось. Ксюха умела поддерживать. За это я её и любила.

У неё дома мы устроились на огромном диване, включили какую-то комедию, но я не смотрела. Я лежала, уставившись в потолок, и думала.

Денис — прошлое. Это я поняла чётко. Лера — тоже прошлое, причём прошлое, которое никогда не вернётся в мою жизнь даже в качестве знакомой. Но что дальше? Свобода? Одиночество? Возможность начать всё сначала?

И тут телефон пиликнул. Я лениво взяла его в руки.

Сообщение от Олега. Новое фото. Я на площадке, сразу после победы — счастливая, потная, с растрёпанным хвостом, обнимаюсь с девчонками. Живая, настоящая, сияющая. И подпись: *«Победа. Ты в центре. Таким и должен быть счастливый человек. Береги себя, Ласточка. И знай: ты достойна самого лучшего».*

Я смотрела на экран и чувствовала, как внутри, сквозь боль и обиду, пробивается что-то тёплое. Луч надежды. Крошечный, робкий, но настоящий.

— Ксюх, — сказала я тихо. — А что, если этот фотограф не такой уж и придурок?

— Опа, — Ксюха выхватила у меня телефон, прочитала сообщение и присвистнула. — Сонька, кажется, у тебя появился тайный поклонник. И он, в отличие от Дениса, умеет говорить комплименты без пошлости.

— Или просто хочет затащить меня в постель, — буркнула я, но без особой убеждённости.

— А если и хочет — то что? — Ксюха пожала плечами. — Ты свободная девушка. Можешь выбирать, с кем тебе быть. Главное, чтобы выбор был в твою пользу.

Я взяла телефон, посмотрела на фото ещё раз. Потом набрала ответ: *«Спасибо. Сегодня был тяжёлый день. Твои фото — единственное, что в нём хорошее».*

Отправила и замерла. Что я делаю? Зачем я ему пишу?

Ответ пришёл мгновенно: *«Если захочешь поговорить — я рядом»*.

Я выдохнула.

— Ксюх, кажется, я схожу с ума.

— Нет, — она улыбнулась. — Кажется, ты просто начинаешь жить заново. И это прекрасно.

Я откинулась на подушки и закрыла глаза. Впервые за долгое время я почувствовала что-то, похожее на надежду. И, чёрт возьми, это было приятно.

ГЛАВА 4

Неделя после разрыва с Денисом пролетела как в тумане. Я делала всё на автомате: просыпалась, пила кофе, ездила на тренировки, встречалась с Ксюшей, улыбалась родителям, делала вид, что у меня всё отлично. Маме, конечно, пришлось рассказать — она всё равно бы заметила, что Денис перестал появляться в нашем доме. Мама вздохнула, покачала головой и сказала: «Дочка, ты заслуживаешь лучшего. Этот мальчик всегда был каким-то... не твоего полёта». Папа просто кивнул и пообещал, что при случае скажет Денису-старшему пару ласковых. Я попросила не надо — унижаться перед ними я не собиралась. Они для меня пустое место.

Лера заблокировала меня во всех соцсетях. Мило, правда? Как будто это я перед ней виновата. Денис тоже молчал. Ни одного звонка, ни одного сообщения. Видимо, совесть всё-таки проснулась, но слишком поздно. Или просто стало лень притворяться.

Самое странное, что я не чувствовала пустоты. Только злость. Глухую, холодную злость на весь мужской род. Ну и на себя за то, что была такой слепой дурой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.